

Африканский парадокс самоопределения

ИРИНА
СТРАХОВА

Существуют понятия, в которых изначально заложено неизбывное внутреннее напряжение, и термин «самоопределение» явно относится к их числу. Он несет в себе обещание (порой долгожданной) свободы, но в правовом тексте превращается в процедуру исключения, в ходе которой субъект заявляет о себе, выходя из пространства, где был признан прежде¹. Право требует завершенности, воплощаемой в институциональном оформлении, а самоопределение живет только в мимолетном конституционном моменте, когда старый порядок разрушен, а новый еще не оформился.

Вместе с тем отмеченный парадокс вызывает немалый интерес: закон, претендующий на *универсальность*, вынужден постулировать собственное отрицание и делать *исключение* нормой. Именно так конституционное право оформляет то, что мы называем революцией. В указанном смысле право на самоопределение имеет отношение не столько к народам и территориям, сколько к внутренней структуре самого юридического мышления, избобличая ограниченную способность права удерж-

Ирина Александровна Страхова (р. 2003) – магистрантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

1 Как отмечает Аллен Бьюкенен, право на одностороннюю сецессию должно пониматься исключительно как восстановительное (*remedial*), как крайнее средство, применяемое в ответ на серьезную несправедливость. Подробнее см.: BUCHANAN A. *Justice, Legitimacy, and Self-Determination: Moral Foundations for International Law*. New York: Oxford University Press, 2004. P. 331.

«ВПЛОТЬ ДО ОТДЕЛЕНИЯ»: СЕПАРАТИЗМ XXI ВЕКА НА МАРШЕ

живать порядок в ситуациях, когда прежняя целостность начинает рушиться².

История изобилует случаями, когда новый порядок возникал из разрушения, но именно в самоопределении этот момент раскрывается, по-видимому, наиболее полно: норма впервые легализует нечто, что подрывает ее собственные основания. Просвещенческая идея народного суверенитета, марксистская логика классового освобождения, вильсоновская дипломатия национальных государств – все перечисленное есть лишь разные «обертки» одного и того же тезиса: чтобы закон продолжал жить, он должен допускать собственную отмену. Постулирование права на самоопределение, таким образом, предстает не просто техническим пунктом того или иного международного договора, а метафизическим напоминанием о том, что закон не вечен.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ИСКЛЮЧЕНИЕ

Современная Африка представляется идеальной лабораторией, позволяющей наблюдать за этим процессом и всесторонне изучать его. На этом континенте избавление от колониализма, реализация самоопределения, федеративное строительство выходят за рамки своих изначальных смыслов: из сменяющих друг друга элементов линейной истории освобождения они превращаются в сдвиги, внутри которых освобождение совпадает с распадом³. В эволюционном разворачивании каждого из этих феноменов раз за разом воспроизводятся старые или устанавливаются новые границы – между этносами, языками, религиями⁴. Например, федеративная государственность на «черном континенте» не упраздняет, а увековечивает расщепление. Она выступает не инструментом выработки и последующего поддержания равновесия, а способом придания правовой формы перманентной, неустранимой, неизбежной множественности. Получается, что Африка – вопреки заявлениям своих лидеров-харизматиков ранней поры – вовсе не освобождается: она бесконечно самоопределяется. Каждое государство здесь живет с ощущением, что его границы эфемерны, и это обуславливает один из модусов африканского разнообразия: федерализация того или иного политического пространства оказывается не за-

2 HANNUM H. *Autonomy, Sovereignty, and Self-Determination: The Accommodation of Conflicting Rights*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996.

3 См.: КОНЕН М. (Ed.). *Secession: International Law Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 27, 258.

4 На этот момент обращает внимание Майкл Берджесс: BURGESS M. *Federalism in Africa: An Essay on the Impacts of Cultural Diversity, Development and Democracy*. Montreal: The Federal Idea, 2012.

креплением согласия, а всего лишь хрупкой договоренностью относительно того, что его распад отсрочен на какое-то время⁵.

Другая африканская странность заключается в том, что право на самоопределение делает государство необходимым даже там, где само его существование оспаривается. Ведь, чтобы отделиться, нужно признать того, от кого отделяешься. Каждый акт самоопределения требует юридического свидетеля, пусть даже молчаливого. Так право, узаконивая, казалось бы, собственное отрицание, одновременно продлевает себе жизнь: исключение становится новой формой порядка. Именно в этой коллизии, в которой право фиксирует исключение, просматривается нерв современного конституционализма. Именно поэтому дебаты о самоопределении неизменно возвращают нас к одному и тому же вопросу: как же право удерживает то, что, по сути, уничтожает сами его основания? Иначе говоря, получается, что в системе одновременно сосуществуют две полярные крайности: право, которое узаконивает разрыв, и государство, которое вынуждено признавать собственное расщепление как форму своего бытия. Нормативная конструкция тяготеет ко всеобщности, но в момент кризиса вынуждена принимать положение вещей, сложившееся ситуативно, здесь и сейчас. В Африке эта проблема раскрывает себя с редкой наглядностью.

ИРИНА СТРАХОВА
АФРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Африка – вопреки заявлениям своих лидеров-харизматиков ранней поры – вовсе не освобождается: она бесконечно самоопределяется. Каждое государство здесь живет с ощущением, что его границы эфемерны.

Политическое самоопределение стало для нормативных конструкций границей, пересекая которую, норма изобличает собственную уязвимость. В каждой конституции, где закреплено указанное право, государство фактически узаконивает возможность собственного распада. Норма, придуманная для сохранения целостности, на деле оформляет признание того, что ее можно нарушать. При такой постановке юридическому порядку остается лишь зафиксировать момент преодоления самого себя – посредством процедурного оформления. Международное право постколониального периода стало полем, где это противоречие было осознано впервые. Принцип самоопределения, вписанный в Устав ООН и Декларацию 1960 года о предоставлении независимости колониальным странам и на-

⁵ UGIRASHEBUJA E., RUHANGISA J.E., OTTERVANGER T.R., CUYVERS A. (Eds.). *East African Community Law: Institutional, Substantive and Comparative EU Aspects*. Leiden: Brill Nijhoff, 2017. P. 4.

родам⁶, оказался компромиссом между порядком и хаосом. Он позволял говорить о *праве на разрыв*, но только в терминах, приемлемых для прежних центров силы. Освобождение превратилось в юридический акт, который, как ни удивительно, санкционировался теми же структурами, от которых мир освобождался. В результате международное право не устранило исключение, а встроило его в собственный нормативный механизм, подчиняя заранее заданным правилам и условиям. Оно допускало революции, не покушаясь при этом на порядок; тем самым оно как бы отнимало у акта протеста его первородную силу. Отсюда и внутренняя раздвоенность послевоенных деклараций: они провозглашают свободу, но только такую, которая не угрожает стабильности системы.

На этом основании в конституциях новых африканских государств появляются формулы, где утверждение свободы соседствует с обещанием лояльности, а право на выход уживается с требованием единства. Причем, как представляется, это не просто риторика: мы имеем дело со способом встроить неизбежное предчувствие распада в саму структуру государства. Африка приняла язык международного права, но наделила его собственным смыслом. Если для Европы самоопределение всегда было декларацией воли, то для Африки оно предстает воплощением боли, пережитой в процессе политического становления континента.

В силу сказанного право, привыкшее работать категориально, в Африке сталкивается со своего рода пределом. Здесь очень трудно четко разграничить народ и государство, а самоопределение становится не столько нормой, сколько способом говорить о неустранимой множественности. Тем самым Африка превращает абстрактный международный принцип в живую материю: тут каждый новый договор, каждая конституция, каждое упоминание «единства и суверенитета» становятся отзвуком богатого разрушительного опыта. Международное право, задуманное как инструмент стабилизации, для африканцев стало способом переживания хаоса.

АФРИКА КАК ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РАЗРЫВА

Не исключено, что за подмеченной особенностью таится особая функция права: не имея возможности упразднить кризис, оно начинает упорядочивать и оформлять его. В африканском контексте право на самоопределение выступает способом возвра-

⁶ См.: Устав ООН (www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text); Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года (www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml).

щения к истоку – к тому моменту, где порядок лишь ищет язык для описания своей противоположности. Право, которое узаконивает разрыв, тем самым доказывает, что оно живо. Именно в Африке абстрактные формулы самоопределения впервые обрели физическое тело: карту, расчерченную линейками колонизаторов; государство, рожденное не собственным желанием, а чужим принуждением; нацию, собранную из мозаики языков, религий и традиций, которые зачастую никогда и не искали контакта друг с другом. Африка стала пространством, где право вынуждено было заниматься осмыслением множественности, которая сопротивлялась сведению к общему знаменателю.

Особенность континента в том, что он не только стал ареной правовых экспериментов, но сам превратился в их условие. В африканских пространствах принцип самоопределения становится крайне двусмысленным: он одновременно служит и средством освобождения, и инструментом контроля. Деконизация принесла не столько свободу, сколько обязанность быть свободным в предусмотренных пределах. В структуру мирового правопорядка континент входил как ученик, но он довольно быстро сумел превратиться в критика своего бывшего учителя, поскольку именно здесь универсальные нормы впервые столкнулись с реалиями, которых они не в силах универсализировать.

Продвигаясь от этой общей закономерности к частностям, можно сказать, что африканский федерализм представляет собой не рационализованную модель, а вполне чувственный способ бытования политики, позволяющий обращающимся к нему странам пережить фрагментацию, придать ей форму и тем самым временно обуздать. В Африке провозглашаемая федерация не обещает согласия, она лишь документирует наличие стародавней раны. В отличие от Европы, где федерализм сложился как язык примирения, в Африке он стал способом сосуществовать, осознавая невозможность единства.

Международное право, задуманное как универсальная структура поддержания порядка, в африканском контексте стало прежде всего практикой адаптации к нестабильности. Каждый новый конфликт, каждый сепаратистский демарш становятся здесь не нарушением нормы, а ее проявлением. Любое обращение к самоопределению – от Эритреи и Биафры до Южного Судана и Сомалиленда – оказывалось повторным переживанием исходной колониальной травмы, попыткой выйти из истории, навязанной другими, чтобы начать писать свою. В Африке право не защищает государство от распада, а сопровождает этот распад, фиксируя его в языке юридических процедур.

Интересно при этом, что африканское право не ограничивается воспроизведением универсальных форм: оно научилось

существовать в режиме перманентного разрыва, где стабильность достигается лишь через признание нестабильности. Федерализм, конфедерализм, автономизм – все это инструменты, которые не устраняют противоречия, а легализуют их. Африка живет в состоянии перманентного перехода от колониализма к постколониализму, от зависимости к суверенитету, и именно в этой промежуточности право выказывает свою незавершенность: оно пребывает в вечном движении, постоянно спотыкаясь на стыках и разломах.

В Африке провозглашаемая федерация не обещает согласия, она лишь документирует наличие стародавней раны. В отличие от Европы, где федерализм сложился как язык примирения, в Африке он стал способом сосуществовать, осознавая невозможность единства.

Современные африканские федерации сполна воплощают эту логику. Они различны по структуре, но схожи по сути: каждая из них пытается *институционализировать исключение*, превратить раскол в способ жизнедеятельности. Следовательно, африканское правовое пространство не копия европейского порядка, а вполне самобытная сущность. То, что в других частях планеты скрыто под наслоениями форм, здесь лежит на поверхности: как выясняется на африканском опыте, закон, чтобы существовать, вынужден признавать возможность собственного конца. Иначе говоря, Африка обнажает внутреннюю противоречивость международно-правовых установок, возвращая им живое измерение. Возможно, именно поэтому рассуждать о самоопределении сегодня удобнее всего именно отсюда – из локуса, где закон-единение и закон-разрыв научились жить вместе.

Эфиопия: конституция как форма распада

В африканском контексте одним из наиболее показательных воплощений принципа самоопределения выступает действующая Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия. Ни одно другое государство мира не нашло в себе смелости столь же прямолинейно закрепить в Основном законе право на собственное разрушение. Конституция 1995 года, принятая после крушения диктаторского режима Менгисту Хайле Мариама, утвердив федеральный принцип, сопроводила

его наделянием любой этнической общности, проживающей в Эфиопии, правом обособиться от государства. Ее статья 39 не оставляет простора для иных толкований: «Каждая нация, национальность или народ из числа входящих в состав Федерации имеют безусловное право на самоопределение, включая право на сецессию»⁷.

В отличие от европейских федераций, стремившихся к централизации через договор, эфиопская модель развернулась в обратную сторону, выстроив федеративную систему вокруг права на уход. Причем эта конструкция не просто политический компромисс, выработанный после падения марксистской тирании; для страны, веками страдавшей от централизма и неравенства⁸, она стала средством укрощения исторического страха. Признав, что перспектива ухода тех или иных общностей вполне реальна, государство попыталось успокоить себя, *узаконив саму угрозу распада*. (За)предельное самоопределение было интегрировано в конституционный текст, соответствующим образом бюрократизировано и тем самым нормализовано. Так элемент конституционного права стал актом психологической самоидентификации – признанием того, что единство не удастся удержать голым отрицанием различий. Но одновременно за этой «конституционной щедростью» скрыта большая политическая беда: ведь, легализовав сецессию, Эфиопия превратила собственную целостность в условность. Таким образом, эфиопская федерация живет в постоянном ожидании распада, но при этом, как ни удивительно, именно в таком состоянии и обретает устойчивость.

Уникальной федерации, построенной на этническом принципе, изначально была присуща фундаментальная раздвоенность⁹. С одной стороны, ее основополагающие документы содержали обещания инклюзии и восстановления достоинства народов, адресованные этническим группам, которые десятилетиями были придавлены сначала амхарской монархией, а потом военным режимом. С другой стороны, закрепление различий внутри социума было произведено в самой ткани власти. В итоге этнический федерализм, задуманный как гарантия многообразия, сделался предпосылкой фрагментации, а политическая идентичность подверглась локализации: каждый эфиопский регион говорит от имени доминирующего в нем этноса, опирающегося на собственную легислатуру.

7 См. текст Конституции Федеративной Демократической Республики Эфиопия 1995 года на английском языке: www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7438.

8 См.: THOMAS C., FALOLA T. *Secession and Separatist Conflicts in Postcolonial Africa*. Calgary: University of Calgary Press, 2020; ERK J. *Federalism and Decentralization in Sub-Saharan Africa: Five Patterns of Evolution* // *Regional & Federal Studies*. 2014. Vol. 24. № 5. P. 535–552.

9 Подробнее об этом см.: ERK J. “*Nations, Nationalities, and Peoples*”: *The Ethnopolitics of Ethnofederalism in Ethiopia* // *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16. № 3. P. 219–231.

В первые годы после принятия Конституции система казалась вполне устойчивой. Революционно-демократический фронт эфиопских народов управлял страной, опираясь на партийную вертикаль, но при этом жесткий контроль со стороны центра обставлялся декором децентрализации. В подобных моделях многообразии, пусть даже и институционализированное, лишено автономного содержания. Федерация, воздвигнутая на праве выхода, рано или поздно сталкивается с серьезным вопросом: в какой точке и в какой момент поддержание ритуалов лояльности сменится реальным самоопределением? В 2020 году, когда конфликт между федеральным правительством и властями штата Тыграй вылился в открытую войну, статья 39 ожила и начала действовать – но отнюдь не как гарантия свободы. Норма, которая на протяжении четверти века оставалась спящей, превратилась в политический факт.

Трактуемая юридически, драма Эфиопии заключается в том, что закон оказался, если можно так выразиться, слишком честным: он признал возможность распада, не имея средств его предотвратить. Право, которое легализовало исключение, не смогло построить эксклюзив в собственные порядки. Фактически эфиопская Конституция вобрала и отразила в себе всеафриканские проблемы: можно ли сохранить государство, не отрицая его изначального разнообразия? Можно ли удержать единство, настаивая на признании различия в качестве неотъемлемого базиса государственности?

Рассматриваемая в этом смысле эфиопская федерация видится не способом внутреннего примирения, а ареной безостановочного пересмотра скрепившего ее договора. Каждая новая политическая конфигурация, складывающаяся в стране, есть не естественное продолжение исторической эволюции, а временное перемирие между правом и жизнью. Статья 39, задуманная как символ *доверия*, превратилась в свидетельство *недоверия*¹⁰. Само ее наличие в Основном законе постоянно напоминает: государство может исчезнуть вполне законным образом, причем не метафорически, а реально. Так ценное многими право на самоопределение перестает быть декларацией, превращаясь в юридический модус состояния тревоги.

В этой связи встает другой вопрос: возможно ли бесконечно существовать на границе между непрерывностью правового пространства и его неминуемым разъятием? Федерация, возведенная на праве на сецессию, будет жить в перманентном ожидании того момента, когда это право реализуется. Не исключено, что именно в Эфиопии право на самоопределение, наконец, стало тем, чем оно было изначально: юридическим оформле-

10 См.: GEBEYE B. A. *The Four Faces of Ethiopian Federalism*. London, 2023. UCL Research Paper Series. № 4.

нием экзистенциального страха перед более чем вероятной потерей целого. Эфиопский федерализм свидетельствует, что право способно бытовать как универсально, так и ситуативно, причем порой делая это одновременно. В подобных ситуациях оно не стремится к самосовершенствованию, но довольствуется поиском способов удержать шаткий баланс между деструкцией и единством. Африканская разновидность правовой зрелости способна превращать *катастрофу* в *институт*.

НИГЕРИЯ: ФЕДЕРАЦИЯ, КОТОРАЯ НЕ ВЕРИТ В ФЕДЕРАЛИЗМ

Если Эфиопия оформила право на распад как акт доверия, то Нигерия демонстрирует иную форму правовой зрелости: в ее случае в юридических нормах запечатлено изощренное умение откладывать собственный конец. Конституция 1999 года, унаследовавшая логику всех предыдущих – от послевоенной 1979-го до временной 1989-го, – построена на принципе единства, не подлежащем обсуждению¹¹. Напрямую самоопределение здесь не запрещено; но, обставленное бесконечным ожиданием, оно являет собой причудливую форму политического терпения.

Нигерийская федерация родилась в 1960-х из страха, а не согласия¹². Эксперименты британской колониальной картографии, в ходе которых покоренные пространства произвольно рассекались поперек этнических и конфессиональных линий, вылились в странный симбиоз несовместимых частей: исламского централизованного Севера и христианского децентрализованного Юга. И до независимости, и после нее федерализм здесь рассматривался в качестве инструмента, который был призван склеить чужеродное. Но, чем сильнее государство пыталось укрепить себя юридически, тем понятнее становилось, что право выступает негодной заменой доверию.

Подтверждением этой трагической догадки стала война в Биафре, полыхавшая в 1967–1970 годах. Попытка населенных народом игбо восточных территорий создать собственное государство закончилась не только военным поражением, но и институциональным прозрением: насилие не прекращает, а лишь оттягивает распад. С тех пор вся нигерийская конституционная история превратилась в хронику бесчисленных пролонгаций такой отсрочки. Каждый виток территориальной реорганизации, каждый перерасчет электоральных квот, каж-

11 См. текст Конституции Федеративной Республики Нигерия 1999 года на английском языке: www.constituteproject.org/constitution/Nigeria_1999.

12 См.: AROWOLO D. *Fiscal Federalism in Nigeria: Theory and Dimensions* // Afro Asian Journal of Social Sciences. 2011. Vol. 2. № 2.2. P. 1–22.

дый акт учреждения новых штатов были нацелены на одно и то же: с их помощью правящий класс покупал время, позволяя стране еще немного пожить в целостности.

В отличие от Эфиопии, где самоопределение напрямую вписано в конституционный текст, в Нигерии это право существует только в отрицательном модусе: как нечто такое, о чем нельзя говорить. Нигерийская Конституция 1999 года избегает самого слова «сецессия» – как будто его озвучивание равнозначно катастрофе. Вместо официального признания исключения в Нигерии предпочли бесконечную и комплексную процедуру компенсации, призванную его отсрочить. Среди прочего она предусматривает перераспределение ресурсных доходов, ротацию властных позиций, поощрение регионального, этнического, конфессионального равенства¹³.

Однако сущностным признаком этого плавающего баланса остается его временность. Нигерийская модель демонстрирует новый аспект африканского федерализма: это не смирение с хаосом, как в Эфиопии, а жизнь в условиях постоянного политико-правового стресса, когда закон, чтобы избежать собственного посрамления, вынужден без устали перераспределять, перераспределять и перераспределять. Самоопределение превратилось здесь в подобие тени, которая не может исчезнуть, но которую научились не замечать. Государство существует до той поры, пока оно сохраняет возможность договариваться о новой форме учредившего его договора.

Структура нигерийской федерации отражает этот опыт. 36 штатов и федеральная территория Абуджа образуют систему, в которой составные части формально равноправны, а власть конституционно распределяется между центром и субъектами. Но централизация финансов, контроль над нефтяными доходами, зависимость региональных властей от столичных трансфертов превращают федерализм в административную фикцию. Юридически Нигерия остается одной из самых сложных федераций мира. Ее Основной закон, громоздкий и скрупулезный, порождает иллюзию учета различий, но в действительности лишь кодифицирует страх перед ними. Каждый новый кризис становится поводом переписать, уточнить, укрепить. В результате закон постепенно превращается в систему самострахования. Парадоксально, что указанная боязнь не уничтожает политику, но, наоборот, питает ее. В отсутствие подлинного федерализма страна живет множеством неформальных, закулисных и подковерных, договоренностей.

Бытование нигерийского федерализма напоминает о том, что стремление закрепить государственное единство раз и на-

13 Подробнее см.: ELAIGWU J. I. *Nigerian Federalism under Civilian and Military Regimes* // Publius. 1988. Vol. 18. № 1. P. 173–188.

всегда обречено на неудачу. В этом смысле Нигерия отнюдь не слабое государство – она научилась существовать на грани, не отрицая хаоса, но и не сдаваясь ему. Правовая культура Нигерии есть культура откладывания конца, искусства балансировать между надломом и возрождением. Возможно, именно поэтому нигерийская федерация одна из самых живучих на континенте. Нигерия не верит в федерализм, но не может без него существовать.

ИРИНА СТРАХОВА
АФРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Судан и Южный Судан: РАСПАД КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРЕХОД

Суданскую историю можно уподобить черновику, на страницах которого международное право, выведя слово «самоопределение», всякий раз зачеркивает его. Началось это с деколонизации: в 1956 году Судан стал одним из первых африканских государств, освободившихся от совместного британско-египетского господства; но еще до того, как молодая нация успела осознать себя, ее внутреннее единство было подорвано глубокими линиями разлома, обособившими арабский Север от чернокожего Юга, ислам от христианства, центр от периферии¹⁴. Два права, две культуры, два основных языка поначалу воспринимались как управляемое многообразие¹⁵, позже, однако, превратившись в символы хронического непонимания страной самой себя.

Начавшаяся в 1955 году первая суданская гражданская война была – по крайней мере для южан – борьбой за возможность быть услышанными. Подписанное в Аддис-Абебе соглашение 1972 года формально завершило конфликт, предоставив Югу автономию, но в реальности воспроизвело одну из особенностей африканского права, для которого обретение автономного статуса почти всегда оказывается предзнаменованием нового распада. В 1983 году, когда президент Джафар Нимейри покончил с автономизмом и ввел на Юге шариат, конфликт вспыхнул снова, превратившись в тотальную гражданскую войну. На этом фоне о принципе самоопределения применительно к Судану начали говорить не с трибуны ООН, а внутри самой страны.

Джон Гаранг, возглавивший созданную тогда южанами Суданскую народную освободительную армию, выдвинул идею

14 Подробнее см.: *Sudan's Independence to Partition With South Sudan // Operation Broken Silence*. 2024. January 8 (<https://operationbrokensilence.org/blog/sudan-independence-to-civil-war-south-sudan>); LTN D. *The Role of British Colonial Policy in the South Sudanese Civil War: A Postcolonial Conflict Analysis*. International Studies Undergraduate Honors Theses. Seattle University, 2018.

15 MBURU N. *Delimitation of the Elastic Ilemi Triangle: Pastoral Conflicts and Official Indifference in the Horn of Africa // African Studies Quarterly*. 2003. Vol. 7. № 1. P. 15–37.

«нового Судана» – федеративного, светского, равноправного. Но международное сообщество, разочаровавшееся в бесконечных неудачах миротворчества, поддержало более простое решение: раздел страны на две части. В значительной мере такому исходу способствовала серьезная, даже по африканским меркам, гетерогенность: Судан был домом для полусотни этнических групп, говорящих на более чем сотне языков и наречий. Мирное соглашение 2005 года, достигнутое между Хартумом и партизанами Юга, запечатлело усталость нации: вновь зафиксированное в нем право на самоопределение для Юга стало отсроченным признанием поражения суданской государственности¹⁶. Шесть лет спустя, в 2011 году, референдум утвердил появление на карте мира нового государства – Южного Судана¹⁷.

На первый взгляд, подобное развитие событий позволяло говорить о торжестве международного права. Африканский союз, ООН, международные посредники в лице Кении и США в один голос представляли суданскую дезинтеграцию в качестве примера «управляемого прощания». Но на самом деле суданский компромисс вдохновлялся упоминавшимся выше парадоксом: чтобы сохранить мир, праву необходимо признать возможность дальнейшего распада. Референдум 2011 года, на котором более 98% жителей Южного Судана проголосовали за отделение, стал ярчайшим тому подтверждением. Все процедуры были соблюдены, все нормы исполнены, но, несмотря на это, итогом стало не воцарение мира, а рождение нового кризиса. Уже через два года Южный Судан погрузился в собственную гражданскую войну. Исключение, однажды узаконенное, превратилось в норму.

Для Судана язык права стал способом высказать мысль, которую нельзя было выразить в политическом дискурсе: потенциал единства себя исчерпал. Соглашение о расставании двух частей страны позволило перевести историческое утомление в юридическую форму, наделить поражение легитимностью. Закон отнюдь не был повержен – напротив, благодаря ему хаос превратился в текст, а распад сделался процедурой. Когда Южный Судан отделялся, международные комментаторы рассуждали о «триумфе народной воли». Однако за данными апелляциями к воле стояло лишь согласие прекратить затяжной конфликт, но вовсе не учредить новый политический порядок. Речь шла о шаге не в *будущее*, а из *прошлого*. В этом смысле суданское самоопределение было лишено политического пафоса,

16 Подробнее см.: HANNUM H. *Op. cit.*; см. также текст Временной Конституции Республики Судан 2005 года на английском языке: www.constituteproject.org/constitution/Sudan_2005.

17 См. текст Переходной Конституции Республики Южный Судан 2011 года на английском языке: www.refworld.org/pdfid/5d3034b97.pdf.

являясь чем-то вроде биологической реакции социальной системы, измученной бесконечным конфликтом.

Суданский пример обнажает конечный предел юридической мысли. Право на отделение может быть реализовано в процедурном смысле, но оно не всегда в состоянии преодолеть социальный разрыв, из которого рождается. Ни одно из двух суданских государств не обрело субъектность в полном смысле этого слова. Их границы определены, но их идентичность размыта. Суданский пример в очередной раз поколебал привычное представление о самоопределении как о торжестве свободы. Впрочем, не исключено, что именно так и должно быть: свобода не всегда рождает единство – иногда она просто позволяет порядку сойти со сцены достойно.

ИРИНА СТРАХОВА
АФРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

КОМОРЫ: ОСТРОВА, НЕ СОШЕДШИЕСЯ В ГОСУДАРСТВО

Если Эфиопия узаконила распад, а Судан был им изнурен, то Коморские острова представляют особый случай африканского самоопределения, в котором политическое единство так и не смогло оформиться в качестве институционально завершенного проекта. Федерация, расположенная в Индийском океане между Мадагаскаром и восточным побережьем Африки, объединяет четыре острова, которые, не имея общей территориальной основы, тем не менее смогли выстроить и на протяжении десятилетий поддерживать общее конституционное пространство. Здесь право на отделение стало частью национального быта, чем-то вроде сезонных работ. С 1975 года архипелаг пережил более двадцати переворотов, примерно по одному на каждые два года независимости.

Коморы стали независимыми в 1975 году, но с самого начала их суверенитет был неполным. Майотта – второй по величине остров архипелага – отказалась входить в новое государство и осталась под управлением Франции. Это создало уникальный прецедент: колониальная метрополия, ссылаясь на тот же принцип самоопределения, который некогда пылко отвергала, теперь использовала его для сохранения своих заморских владений. Генеральная Ассамблея ООН десятилетиями регулярно повторяла, что Майотту нужно вернуть Коморам, но Париж в ответ проводил на острове свои референдумы, в которых раз за разом местные жители подтверждали свой выбор в пользу Франции. Таким образом, самоопределение на Коморских островах сделалось инструментом не освобождения, а закрепления зависимости.

В конце 1990-х архипелаг фактически утратил государственность: остров Анжуан объявил о выходе из состава союза,

остров Мохели поддержал его, и в итоге под управлением центрального правительства остался только остров Гранд-Комор, где расположена столица Морони. Африканский союз организовал тогда военную миссию для восстановления единства, но стороннее вмешательство не решило проблему, а лишь перевело ее в юридическую плоскость. Между тем внутри самого коморского ансамбля федерализм показывал себя не лекарством, но, напротив, болезнью. Каждый остров настаивал на особом статусе, а федеральная Конституция менялась едва ли не чаще, чем кабинеты министров. Предпринятая в 2001 году попытка заново учредить республику, провозгласив Союз Коморских островов, предполагала своего рода узаконивание хаоса: в обновленной федерации каждая составная часть получала право не только быть несогласной, но и раз в четыре года по ротации замещать вакансию главы государства. Политическая стабильность сделалась производной от календаря: если в очереди на президентство твой остров стоит первым, то целесообразно миролюбие; если же еще ждать и ждать, то более продуктивным выглядит мятеж. Так Коморы нашли оригинальное решение: островная республика узаконила не только исключение, но и его очередность. Каждый остров на мгновение становился центром, потом снова уходил на периферию, а право, призванное гарантировать стабильность, превращалось в механизм движения по кругу.

С юридической точки зрения это был действительно уникальный эксперимент. Острова имели собственные конституции, парламенты, суды, а союз в целом опирался на компетенции, которые постоянно пересматривались. Любое изменение федеративного законодательства требовало согласия трех территорий (Майотта практично выносилась за скобки). Однако совокупной ценой такой архитектуры оказывалась хроническая нестабильность¹⁸. Каждая ротация превращалась в потенциальный кризис, а каждый спор о компетенциях становился претензией на независимость. Довольно долго Коморам пришлось жить в режиме юридически санкционированного ожидания: пока один остров управляет, два других накапливают обиды.

Конституционная реформа 2018 года обозначила попытку выхода из этой порочной схемы. Принятые тогда поправки демонтировали ротационный принцип и сопутствующие ему механизмы островного представительства, одновременно укрепив позиции действующего президента через расширение срока его полномочий до пяти лет. Тем самым пространство

18 Подробнее о федеративной эволюции Коморских островов см.: GRIFFITHS A. *Comoros (Union of the Comoros): Three Islands, Difficult Relations and a Federal System* // GRIFFITHS A., CHATTOPADHYAY R., LIGHT J., STIEREN C. (Eds.). *The Forum of Federations Handbook of Federal Countries 2020*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 111–121.

федеративного торгового подверглось заметному сокращению, а в распоряжении отдельных островов остался довольно узкий набор формальных инструментов, обеспечивающих участие в распределении власти. Однако, как выяснилось позже, инновация не смогла обеспечить выхода из затянувшегося институционального кризиса, так и не став точкой стабилизации: противоречие, ранее встроенное в институциональный механизм, просто было вытеснено за процедурные рамки. Ротацию, служившую инструментом снятия межостровного напряжения, устранили, но альтернативных каналов политического представительства для Анжуана и Мохели так и не выстроили. Это открыло дорогу для поступательной концентрации власти в руках федерального центра¹⁹.

Тем не менее сегодня федерализм предоставляет минимально необходимую рамку, удерживающую Коморский архипелаг от распада, поскольку ни унитарная модель, ни открытая дезинтеграция не воспринимаются островными элитами в качестве жизнеспособных альтернатив. Федеративная форма, не раз подвергавшаяся пересборке и редукции, по-прежнему продолжает выполнять сдерживающую функцию, фиксируя островную множественность в юридически допустимых пределах.

ВОСТОЧНОАФРИКАНСКОЕ СООБЩЕСТВО: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАБОРОТ

Если Эфиопия признала право на выход, а Судан довел его реализацию до конечного предела, то Восточная Африка предложила обратный эксперимент – *самоопределение через слияние*. Здесь история как будто бы идет вспять: после десятилетий распадов и разделов государства региона вновь пытаются сплотиться в сложносоставное целое. Восточноафриканское сообщество (ВАС) (East African Community – EAC) уникально тем, что в его лице африканские государства предпочли дезинтеграции консолидацию²⁰. В отличие от иных краткосрочных союзов, не раз создававшихся на континенте по инициативе тех или иных политических лидеров и угасавших вместе с их харизмой, ВАС (по крайней мере в его нынешней версии) смогло обезличить правила игры для политических акторов и сформировать ряд ключевых наднациональных институтов. Именно процедурная плотность, предполагающая встраивание государств-участников в разветвленную сеть обязательств, делает этот проект устойчивым.

19 Подробнее об этом см.: ЗАХАРОВ А.А., ИСАЕВ Л.М. *Коморские острова: федерация в океане* // Мировая экономика и международные отношения. 2025. Т. 69. № 9. С. 116–127.

20 UGIRASHEBUJA E., RUHANGISA J.E., OTTERVANGER T.R., CUYVERS A. (Eds.). *Op. cit.* P. 8.

Созданное еще в 1967 году объединение Кении, Уганды и Танзании через десять лет развалилось из-за личных амбиций национальных лидеров и горячих споров о таможенных тарифах. Однако в 2000 году те же страны подписали новый интеграционный договор. Так возникло второе Восточноафриканское сообщество, к которому со временем присоединились Руанда, Бурунди, Южный Судан, Демократическая Республика Конго и Сомали. С приходом в альянс каждой новой страны базовая идея становилась все менее экономической и все более метафизической: в объединительном процессе начали видеть что-то вроде коллективной терапии, исцеляющей постколониальные травмы. И если на уровне международного права это классический региональный союз, то на уровне политического сознания мы имеем дело с попыткой переписать саму формулу африканской государственности, переместив в ней акценты с обособления на слияние.

Интеграционные инициативы ВАС довольно стандартны для подобных случаев: общие тарифы, свобода передвижения, единый рынок, проект валютного союза. Но за экономическим фасадом просматривается и другая логика: культивируемый партнерами федерализм предстает актом доверия, восстановлением единого политического тела, которое некогда было разъято границами, придуманными в Лондоне, Берлине и Брюсселе. Для государств, рожденных чужой волей, объединение выступает формой позднего самоопределения – и возвращением себе права говорить в один голос. Парадокс восточноафриканского эксперимента в том, что в нем используются те же юридические инструменты, которые обычно задействуются в ситуациях распада, но при этом их направленность меняется на противоположную. Принципы суверенного равенства, территориальной целостности, взаимного дипломатического признания, в прежние времена сдерживавшие деколонизацию, теперь служат фундаментом новой интеграции.

В юридическом плане сообщество опирается на договор 1999 года, в котором оптимистично утверждается, что государства-члены «принимают на себя обязательство двигаться к политическому союзу»²¹. Однако ни о сроках, ни о гарантиях речи нет – их, как представляется, заменяет вера договаривающихся сторон в общую позитивность процесса. Здесь ощущается опыт былых распадов и размежеваний: в интеграции видится не величественная цель, но нечто гораздо более скромное – способ хотя бы не повторить старых ошибок. Нельзя не признать, что за четверть века сообщество добилось не слишком многого: например, таможенные конфликты между

21 См. текст Договора об учреждении Восточноафриканского сообщества от 1999 года с поправками 2006-го и 2007 годов: www.foreign.go.tz/eac/the-treaty-for-the-establishment-of-the-east-african-community1.

Кенией и Угандой происходят так же регулярно, как и саммиты организации. Однако и здесь усматривается глубокий смысл: возможно, ВАС живет исключительно ради *продолжения* самого объединительного процесса.

Вместе с тем на каждом новом этапе, будь то образование в 2005 году таможенного союза или учреждение в 2010 году общего рынка, перед организаторами встают те же вопросы, которые беспокоили «отцов-основателей» независимой Африки в начале деколонизации: кто конкретно будет говорить от имени всех и есть ли у чаемого единства пределы? Пока ни одно государство не готово отказаться от собственного суверенитета, но при этом все участники интеграции охотно поддерживают иллюзию, согласно которой в будущем с ним будет покончено. В итоге Восточноафриканское сообщество интересно не тем, что создает новую политическую реальность, а тем, что предлагает целому региону универсальный и спланивающий язык. В общении, выстраиваемом на его основе, формируется правовая культура диалога, в рамках которой противоречия не искореняются, а институционализируются. Это своеобразный федерализм без конституции: страны сохраняют полную автономию, но их элиты учатся взаимодействовать в терминах общего права.

Сейчас рассуждения деятелей ВАС о будущих единых паспорте, валюте, парламенте звучат утопично. Тем не менее их вполне можно считать элементами политической постановки, в которой каждое вовлеченное государство играет свою роль, зная при этом, что пьеса никогда не завершится – у нее нет конца. Фактически Сообщество существует в режиме постоянного приближения к цели, которая никогда не будет достигнута; ведь задача интегрирующихся сторон не в том, чтобы достичь гармонии, а в том, чтобы научиться жить бок о бок при ее отсутствии.

Можно ли считать это самоопределением в строгом смысле? Наверное, да, если понимать под самоопределением не акт обособления, а способность определить себя заново. В рассматриваемом случае Африка впервые практикует суверенитет в форме не индивидуалистского отторжения, а коллективистского признания. И в этом смысле ВАС есть не столько экономический союз, сколько лаборатория нового юридического мышления, площадка для тестирования такого права, которое ищет себя не в исключении, а в сопричастности.

АФРИКАНСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ПАМЯТЬ

Федерализм в Африке появился не из теоретической убежденности в его преимуществах, а из политической усталости, уже испытываемой молодыми нациями. Он фиксировал не социаль-

ный оптимизм, а общественную встревоженность: его творцы пытались хоть как-то структурировать то неустойчивое состояние, когда распад уже произошел, но признать его пока не хватает смелости. В отличие от других регионов планеты, где федерализм зачастую вырос из идеи добровольного единения, африканский его вариант был ответом на принудительное сплочение, навязанное колониальными раздлами²². Поэтому в Африке федерация с самого начала означала не согласие, а удержание.

В результате африканский федерализм стал своего рода формой памяти, институционализированной в праве²³. За каждой федералистской конституцией, принятой на континенте, скрывается самобытная вариация одной и той же темы: насаждение границ, искусственная централизация и выстраивание государственности поверх живых сообществ, говорящих на сотнях языков и культивирующих сотни традиций. Федеративная форма является способом признать подобную множественность, не разрушая государства.

Юридически это выражается в показательной гибридности: почти ни одна африканская федерация не вписывается в классические дефиниции. Эфиопия закрепила в Основном законе право на сепессию, создав федерацию, которая может перестать быть таковой. Нигерия, боясь повторения кейса Биафры, поощряет жесткую централизацию, маскируемую под федеративный порядок. Судан узаконил распад, превратив право на самоопределение в процедуру конституционного расставания. Коморы изобрели ротационную форму власти, где каждая часть государства по очереди играла роль целого. Восточная Африка ориентирована на «федерализм будущего» – интеграционный процесс, который никогда не завершится. Все перечисленные случаи объединяет одно: федерация становится способом жить внутри противоречия, не снимая его.

Указанная особенность делает африканское конституционное пространство уникальным. Здесь право не столько регулирует жизнь, сколько постоянно напоминает, что ее вообще нельзя окончательно упорядочить²⁴. Федерализм в африканском контексте не сводится к распределению компетенций между центром и регионами, но метафизически отражает множественность. Он признает, что в каждом молодом государстве сосуществуют несколько систем легитимности: государственная,

22 IGBA S.A., LIAGA E.A. *Coloniality, Legitimacy in Statebuilding, and the Use of Force in Africa* // *The Thinker*. 2021. Vol. 89. № 4. P. 45–55.

23 MUTUA M. *Why Redraw the Map of Africa: A Moral and Legal Inquiry* // *Michigan Journal of International Law*. 1995. Vol. 16. P. 1116.

24 См.: CHAWANE M. *The Development of Afrocentricity: A Historical Survey* // *Yesterday and Today*. 2016. № 16 (https://scielo.org.za/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2223-03862016000200006&lng=en&nrm=iso&tlng=en).

традиционная, этническая, религиозная. Причем правовая норма стремится не упразднить их, а удержать в одной рамке.

В этом смысле африканский федерализм отсылает не столько к власти, сколько к языку. Он стыкует между собой разные коды политической реальности: письменный закон и устную традицию, западную модель государственности и локальные формы самоорганизации. Колониализм породил ситуацию, в которой правовой язык всегда воспринимался как чужой, а местные властные практики оставались в пренебрежении. Для Африки федерализм оказался единственным механизмом, способным соединить их, пусть и ценой внутреннего перенапряжения. Отмеченное двуязычие и есть родовая травма – но одновременно и основной источник живучести – африканского права. Здешние государственные институты существуют в логике процедур и статей, но их легитимность обеспечивается иным инструментарием – прежде всего религиозным и этническим. Федерализм на африканской почве институционализирует этот разрыв: он не соединяет договаривающиеся стороны, но лишь позволяет им сосуществовать. Африканские федерации отличаются крайней правовой нестабильностью: реформы следуют одна за другой, конституции постоянно переписываются, вступившие в силу нормы тут же пересматриваются. Но в этой изменчивости нужно видеть не слабость, а форму жизни. Право в Африке не замыкается в себе, оно всегда в процессе коррекции, пытаясь максимально полно отразить реальность, которая, вероятно, в принципе не может быть закреплена в тексте.

ИРИНА СТРАХОВА

АФРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Если европейский федерализм исходит из воли к единству и целостности, то его африканский аналог настаивает на признании фрагментарности и разъятия натуральным, а потому непреодолимым состоянием.

Африканский федерализм – не дорога к интеграции и сплочению, а способ избежать распада, не отрицая того, что он вполне реален и может произойти в любую минуту. Государства меняются, границы передвигаются, но мечта о совместном существовании, закрепленная в федеративных принципах, становится для людей чем-то привычным и естественным, а неустанные отсылки к ней подтверждают желание оставаться вместе. И если европейский федерализм исходит из воли к единству и целостности, то его африканский аналог настаивает на признании фрагментарности и разъятия натуральным, а потому непреодолимым состоянием. Именно в этом видится

главный урок африканского федерализма для остального мира: согласно накопленному им опыту, *стабильность достигается не победой над хаосом, а умением жить рядом с ним.*

* * *

Право возникает из желания упорядочить мир, но его зрелость определяется не способностью учреждать порядок, а умением признавать предел такого усилия. История африканских государств показывает, что право способно существовать и там, где основания порядка не вызрели или были разрушены²⁵. Оно удерживает форму, даже если содержание дезинтегрировалось. В Европе идея права складывалась параллельно с идеей государства как завершенной формы: суверенитет мыслился как предел, за которым начинается анархия, а задача состояла в том, чтобы удерживать этот предел. Африканская история предложила обратную перспективу: здесь государство, не являясь предваряющей данностью, каждый день воссоздается заново, право же не столько защищает наличный порядок, сколько конструирует предпосылки для его временного существования.

Юридическая рациональность, выношенная континентом, стала особой формой честности. Она не скрывает, что порядок порой хрупок и зыбок, а суверенитет истончается или даже исчезает. Федерация в такой системе координат предстает не завершенной конструкцией, а непрерывающимся процессом. В этом проявляется этическое измерение права: оно не постулирует истины в последней инстанции, а создает пространство, позволяющее продолжать разговор. Благодаря этому в Африке самоопределение утрачивает романтический флер, превращаясь сугубо в практичный инструмент выживания.

Когда какое-то государство допускает в своем основном законе возможность собственного распада, оно отнюдь не изменяет рациональности, а лишь признает пределы своей учредительной власти. Причем закон, который знает, что может быть отменен, сильнее того закона, который притворяется вечным. Такое право не похоже на привычный юридический идеал. Оно не замыкает мир в застывших категориях, а позволяет ему двигаться и меняться. Оно не противопоставляет норму событию, а сопровождает событие в его непредсказуемости. Оно понимает, что любая норма возникает из конкретного страха, конкретного компромисса, конкретной боли, и потому не имеет оснований претендовать на универсальность.

25 В этой связи некоторые специалисты, характеризуя Африку, считают возможным говорить о «кризисе внутренней легитимности» и «фикции европейского созидания». Подробнее см.: МУТИА М. *Op. cit.* P. 1116.

Африканский опыт делает видимым то, о чем в других регионах предпочитают умалчивать: любой порядок построен на исключении, а любое единство – на различии. Право, которое сумело признать этот факт, не становится слабее – напротив, оно возвращает себе смысл. Его задача не отрицать противоречия, а придавать им форму. Важно подчеркнуть, что право, готовое признать собственные пределы, не теряет своего авторитета – напротив, оно наполняется культурно-мировоззренческими смыслами, становясь, по сути, чем-то бóльшим. Возможно, именно в осознании этой вопиющей неполноты и есть будущее правовой системы как таковой. Мир, который больше не верит в универсальные формулы, нуждается не в безупречно завершенных системах, а в языках, способных признавать сложность. Африка показала, что право может быть таким языком: несовершенным, но живым, хрупким – и устойчивым в своей хрупкости.

ИРИНА СТРАХОВА
АФРИКАНСКИЙ ПАРАДОКС
САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

